

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

АНТРОПОЛОГИЯ ВРЕМЕНИ

Сборник научных статей

В 2 частях
Часть 2

Гродно
ГрГУ им. Я.Купалы
2016

УДК 82
ББК 83.3
А72

Рекомендовано Советом филологического факультета ГрГУ им. Я. Купалы

Редакционная коллегия:

Т. Е. Автухович, доктор филологических наук (гл. ред.);
В. Суна, доктор филологических наук;
И. А. Каргашин, доктор филологических наук;
Ю. Б. Орлицкий, доктор филологических наук;
И. И. Плеханова, доктор филологических наук;
И. С. Скоропанова, доктор филологических наук;
Г. П. Тваранович, доктор филологических наук;
В. И. Тюпа, доктор филологических наук

Рецензенты:

Жук И. В., доктор филологических наук, профессор кафедры белорусской литературы ГрГУ им. Я. Купалы;
Тыршышкина Е. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета

При оформлении обложки использована репродукция картины Сальвадора Дали «Постоянство памяти» (Режим доступа: http://muzei-mira.com/kartini_ispanskih_hudojnikov/1773-kartina-postoyanstvo-pamyati-salvador-dali-1931.html)

А72 Антропология времени : сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 2 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Т. Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2016. – 361 с.

ISBN 978-985-582-056-8 (ч. 2)
ISBN 978-985-582-055-1

Представлены статьи, посвящённые многоаспектной проблематике антропологии времени. Организующим звеном сборника стала междисциплинарная проблема восприятия и про(пере)живания времени в единстве и соотносённости категорий *время – человек – культура – мышление – язык – коммуникация*. Учёные-литературоведы из разных стран (Беларусь, Россия, Украина, Польша, Венгрия) используют для анализа тексты русских и зарубежных авторов, в результате формируется исчерпывающий взгляд на проблемы, касающиеся антропологии времени. Адресуется всем интересующимся актуальными проблемами современной литературоведческой науки.

УДК 82
ББК 83.3

ISBN 978-985-582-056-8 (ч. 2)
ISBN 978-985-582-055-1

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2016

14. Стайрон, У. Выбор Софи / У. Стайрон. – СПб. : ЛИК, 1993. – 704 с.
15. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит, 1983. – Т. 13. – 488 с.
16. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 т. / М. И. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1994. – Т. 2. – 593 с.
17. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов ; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука, 1978. – Т. 13. – С. 117–188.
18. Шимборская, В. Фотография 11 сентября / В. Шимборская // Иностранная литература. – 2003. – № 5. – С. 81–82.
19. Шимборская, В. Первая фотография Гитлера [Электронный ресурс] / В. Шимборская. – Режим доступа: <http://shimborska.dgroza.ru/different/first-picture-of-hitler>. – Дата доступа: 29.10.2016.

Representation of photography in literary text complicates its temporal structure, leads to a variety of ratios between times past and present. The past time includes a fixed moment and embodied in it whole (events, era). The present one consists of the time of contemplation of photo, reflection, narration, and more widespread context of author's or character's life. Peculiarity of literature is the conceptual emotionality of perception of photo and time.

Keywords: literature and photography, intermediality, time, remembering, value.

УДК 821.161.1-1

Т. В. Зверева (Ижевск, Россия)

«И НЕ ДВИЖЕТСЯ ВРЕМЯ»: Г. ДЕРЖАВИН – А. ПУШКИН – М. КУКИН

Рассмотрена проблема художественного времени в стихотворении Михаила Кукина «Памяти одной компании». Показывается, что интертекстуальные связи порождают сложную оптику текста, понимание времени опосредовано предшествующей традицией (творчество Горация, ода Г. Державина «Евгению. Жизнь Званская», стихотворение А. Пушкина «Осень»). «Памяти одной компании» также тесно связано с поэтикой, выработанной поэтами «коньковской школы».

Ключевые слова: реминисценция, идиллия, эпитафия, ода, художественное время, «коньковская школа».

Предметом нашего рассмотрения станет одно из ранних стихотворений поэта «коньковской школы» Михаила Кукина «Памяти одной компании». Первоначально это стихотворение открывало авторскую подборку «И не движется время», опубликованную в журнале «Новый мир» в 1994 г.; в последнем сборнике, вышедшем в 2015 г., оно вошло в раздел «Старых стихов». Имя Михаила Кукина еще не закреплено на литературной карте России, и это отчасти связано с установкой «коньковцев» на принципиально частный и домашний характер поэтического творчества. Вместе с тем критики А. Анпилов [3] и Л. Костюков [7] уже давно отметили уникальность художественного дара Кукина, а в последнее время его стихи были замечены и учеными-филологами – О. Ревзиной [11] и Н. Медведевой [9].

Михаил Кукин – поэт-филолог, в его стихах открыто позиционируется биографическое «Я»: «Я кандидат наук. Доцент. Филолог» [8, с. 172]. С ро-

дом основной деятельности связано отрефлексированное отношение к классической традиции – читатель имеет дело с множественными отсылками к греческой и римской античности, русскому XVIII веку, всей линии отечественной словесности от А. Пушкина до И. Бродского. Важно и то, что, являясь профессиональным филологом, поэт в совершенстве владеет инструментарием разбора текста, т. е. аналитика включена в творческий процесс и стихи Кукина несут в себе элементы исследовательской рефлексии.

Размышляя над спецификой стихотворений Михаила Кукина, О. Ревзина высказала предположение, что они «располагаются по сравнению с Пушкиным в иной дискурсивной формации» [11, с. 187]. Обращение поэта к предшествующей традиции связано не с «мышлением стилями», как это было у Пушкина, а обусловлено какими-то иными культурными механизмами. Традиция выступает в качестве определенного поэтического видения реальности. Современность не только испытывается этим взглядом, но отчасти и преобразуется благодаря ему. Напомним, что у всех поэтов-коньковцев прослеживается единство эмоционального тона: «Авторы “коньковской школы” обладают своеобразным секретом зрения, в результате которого буквально каждая деталь Божьего мира (вплоть до мелких и примитивных) становится аргументом в пользу осмысленности целого <...> Каждый поэт находит свой ракурс бессмертия» [7]. С этой точки зрения становится понятными пристрастия Михаила Кукина к античности с ее взглядыванием в бесконечный мир материальных вещей, к державинско-пушкинской традиции с ее пафосом оправдания мира.

Обратимся к стихотворению «Памяти одной компании», эпиграф к которому отсылает читателя к двум величайшим текстам русской литературы – оде «Евгению. Жизнь Званская» Г. Державина и «Осени» А. Пушкина. При этом ориентация на Державина декларативна, о чем заявлено в самом начале текста:

Коль колесо времен свершило полный круг,
среди русских гениев, где всяк другому равен,
теперь хочу избрать, испробовав твой звук,
тебя в наставники, Державин [8, с. 167].

Пушкинская же «Осень» присутствует имплицитно и реконструируется лишь при филологическом анализе. Благодаря двойному интертекстуальному коду возникает уникальная оптика кукинского текста, позволяющая посмотреть на современность сквозь «волшебный фонарь» державинско-пушкинской традиции.

Итак, поздний стиль Державина становится первой призмой, через которую поэт бросает свой взор на современность. Намеченное в начале стихотворения ироническое противопоставление двух укладов жизни («холм над синим Волховом» / «высокий мой этаж», «храмовидный дом» / «квартирка малая в Коньково») почти сразу сменяется утверждением внутреннего единства прошлого и настоящего. Мысль о непрерывности вре-

мени чрезвычайно актуальна для русской культуры, в основании которой, как известно, лежит особая логика – логика исторических разрывов, на что указал еще П. Я. Чаадаев. «Памяти одной компании» писалось в эпоху, когда в очередной раз история отрекалась от себя, утверждая свое безусловное право на отказ от предшествующей традиции. В этой непростой ситуации Михаил Кукин занимает позицию опального Державина, смотрящего на современность как бы со стороны и пытающегося обрести смысл в частном существовании.

Идея оправдания реальности – одна из определяющих в творчестве Кукина. Державинская «Званка» останавливала мгновение, запечатлевая красоту созданного Творцом мира: «О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю? // Творцом содержится вселенна» [5, с. 327]. Напомним, ода вырастает из гимнографии, однако на русской почве идея абсолютного приятия мира трансформировалась в идею абсолютного благоговения перед государством. Еще в «Фелице» поэт вышел за пределы государственной риторики, существование «Я» вне государственной системы стало тем новым опытом, который обрела русская литература в лице Державина. Вслед за Державиным герой Кукина восхищается самыми обыкновенными вещами:

Я добр и сонлив. На стульчике складном
сiju себе, курю на маленьком балконе,
сiju и вдаль смотрю, мечтаю ни о чем,
меж тем как красно солнце тонет,

закат распахивает сизый веер свой,
меж облак перистых даль розова дымится.
Кругом горят огни... Машины шум или вой
собачий снизу доносится... [8, с. 170].

В «Жизни Званской» художественное пространство характеризуется неоднородностью: свободный мир Званки («вольность золотая») противопоставлен «тесному», несвободному Петрополю. Эти два пространства существуют по собственным законам, при этом все авторские усилия направлены на создание идиллии. По точному замечанию Т. Е. Автухович, внутри созданного поэтом универсума «отсутствует деление на главное и второстепенное, все детали включаются в единый повествовательный текст, отражая внутренне структурированную и в то же время единую картину мира как Космоса смысла» [1, с. 12]. Однако внутри этого целостного универсума зарождается «временной сюжет», разрушающий жанр идиллии. Вторжение будущего, в котором не будет «Я», с одной стороны, свидетельствует о бренности мира, с другой – утверждает бессмертие поэтического слова. В одной из своих работ И. Клейн выделил тему памятника как ведущую тему державинского творчества [6, с. 498–521]. Действительно, ода «Евгению. Жизнь Званская» тематически примыкает к данному корпусу текстов: финальная строка («Здесь Бога жил певец, – Фелицы») может быть прочитана в контексте горацианской традиции (вечно звучащее

слово-слава, преодолевающее время). Однако, еще не было замечено, что эта же строка выступает и в функции могильной надписи. Следовательно, можно говорить о трансформации идиллии в эпитафию, и в этом случае весь предыдущий текст обретает иную смысловую логику – ту, которая в чистом виде отражена в стихотворениях Державина «Развалины», «Река времен в своем стремлении...». «Жизнь Званская» выходит за пределы классицистической заданности смысла, жанровые границы текста оказываются принципиально неопределимыми – державинская ода сопрягает идиллию и эпитафию, стягиваясь к знаменитой формуле «Et in Arcadia ego». Мир открыт неумолимому будущему, стирающему следы настоящего. Поэт смог запереться в Званке от суеты Петербурга, но не смог уйти от мысли о беге времени.

Как уже было отмечено выше, «Памяти одной компании» написано создано в начале 1990-х гг., когда «время вывихнуло свой сустав» и человек оказался выброшен за пределы какой бы то ни было системы. В ситуации «онтологической неопределенности» Кукин учился извлекать жизнеутверждающие смыслы. Авторская интенция направлена на выявление внутренней гармонии мира, для чего и потребовался весь арсенал державинской поэзии. Реабилитация архаического языка необходима автору, чтобы обрести принципиально иной угол зрения на современную действительность. Поскольку человеческая жизнь одна и другой, скорее всего, не будет, то задача поэта в какой-то степени сводится к оправданию данности. Как показала Н. Г. Медведева [9], «поэтика благодарности» является отличительной чертой творчества Кукина, выделяющей его на фоне существующей ныне поэзии. Мысль о благодати жизни формулируется автором прямооценочно:

...и попробуй вспомни, что были гостями
на данном счастливом празднике жизни, удержи
благодарность хозяину дома, нет, ты скажи
вместо: за что? – спасибо за все! [8, с. 7];

Что тут сказать? Многомилостив, щедр Господь.
Чудом была эта жизнь – и не чудо ли длится днесь?
Кланяюсь низко Ему, на пиру благодарный гость.
Можно, Владыко, еще мы немного побудем днесь? [8, с. 33].

На избранном пути «благодарения» Кукин идет дальше своего «наставника»: если идиллический мир Званки – это герметичное пространство, удаленное от шумного Петербурга, то идиллия Кукина не знает пространственного деления и вбирает в себя все признаки городского топоса: «рычание моторов», «вонь воздуха», «хрипло-пьяную песнь», «рык мотоциклов». Весь этот привычный каждому горожанину мир наделяется положительными оценками, поскольку это и есть отведенное Творцом пространство жизни.

По Кукину, человеческое счастье обусловлено не свойствами реальности, а свойствами человеческого зрения. Не случайно семантика «зре-

ния» является определяющей в «Памяти одной компании» («глядящу утром восхищенно», «лесок зеленый зрю», «осень вижу я», «готов следить изгибы нежных рук и шей», «все вижу пред собой» и т. д.). За столь очевидной приверженностью к глаголам зрения скрывается не только «подражание» позднему державинскому стилю, но и особая авторская философия. Поэзия есть труднейшая работа по воскрешению реальности, ее внутреннему преобразению. Блаженство обретается «здесь» и «сейчас», но никогда не «потом». (Как сказано в другом стихотворении М. Кукина, «в нашем здесь и сейчас – наше здесь и всегда» [8, с. 42].)

Итак, герой Кукина призван на праздник жизни и желает им всецело насладиться, ибо другого праздника не будет. Показательно, что в центре анализируемого текста – два развернутых описания стола, из которых 7 строф занимает описание обеда и 3 строфы – описание дружеского пира. Вслед за Державиным и Горацием следует поэтическое «приглашение к трапезе». У Державина изображение стола коррелирует с описанием сада-Вселенной и является еще одним свидетельством гармоничности бытия; в «Памяти одной компании» на первый план выдвинута тема чудесного изобилия, возникающего благодаря стараниям мастерицы-жены («жена из ничего готовить мастерица»):

Все вижу пред собой: суп из гороха – здесь,
в салате красные сверкают помидоры,
вот зелень свежая, которую любо есть
с картошкой отварной, вот горы

душистых, мякотьных блинков из кабачков,
златою, ржавой корочкой покрытых,
или капуста в масле – пир богов! –
яйцом сверкающим залита! [8, с. 169].

В конце стихотворения Кукин еще раз вернется в теме стола, но решит ее в ином смысловом ключе. Финальный пир с друзьями – это пир-симпозиум, на котором рождается очередная истина (отметим использование классического симпозиального топоса – *in vino veritas*). Собственно, к этому, заключающему текст, афористическому четверостишию и стягиваются все предшествующие размышления:

Иль, прозы властелин, мой Рондарев, с тобой
Сидим перед утра картиной –

Перед раскрытым в светло-синю даль окном,
Как жизни нашей перед вечною загадкой,
И по последней курум над пустым столом,
Остановив мгновенье кратко [8, с. 171].

Последняя строка отсылает и к «Фаусту» Гете («Остановись мгновение, ты прекарсно!»), и к державинской «Жизни Званской» («О коль прекрасен мир!»). Мгновение здесь – всего лишь обратная сторона Вечнос-

ти, а Вечность – не что иное, как бесконечная растяжка мгновения. Среди излюбленных приемов кукинской поэтики – замедление художественного времени. Например, в одном из лучших, на наш взгляд, стихотворений поэта описано приготовление яичницы и действие обращено в действо:

Муза, приди, помоги, дай поведать далеким потомкам,
как меня Дима Шумилов яичницу делать учил.

Лук для начала берем, не крупный, не мелкий, но средний
и обдираем с него дочиста всю шелуху.

Лук измельчив на дощечке, потом зачерствелого хлеба
Черного взявши кусок пальцами левой руки <...>

«Щиплет нас за ухо смерть», – заметил однажды Вергилий.
Но и на смерть есть управа. В частности, этот рецепт [8, с. 164].

Избранные Кукиным гексаметры не только отсылают к античности и обращают время вспять, но и предельно замедляют течение времени, делают его физически осязаемым.

У поэтов «коньковской школы» самое важное всегда вызревает исподволь. Если в «Жизни Званской» «изобилие деталей, форм, планов развертывания картин становится реализацией очень важного для Державина принципа миропонимания, согласно которому в жизни нет ничего неважного» [2, с. 186], то в «Памяти одной компании» подобные детали призваны уточнить время человеческого существования, остановить ход времени. Растяжка времени и пространства – отличительная черта «коньковцев», ищущих путь к реальности, а не бегущих от нее. Все это, однако, не означает, что у автора имеются иллюзии относительно «бега времени». Само название стихотворения включает в себя слово «память», т. е. указывает на минувшее. Поэзия может приостановить мгновение, но она бессильна противостоять «сжирающему» временному потоку.

Современность испытывается не только Державиным, но и Пушкиным. Смысл кукинского послания усложняется вследствие его обращенности к «Осени», также являющейся поэтическим откликом на державинскую «Званку». И Пушкин, и Кукин избирают в качестве эпиграфа к своим программным текстам одну и ту же державинскую строфу – «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?». «Пушкинский подтекст» способствует актуализации смыслов, связанных не столько с проблемой времени, сколько с проблемой поэтического творчества.

Поскольку пушкинский текст неоднократно становился объектом литературоведческих штудий, то заострим внимание на смыслах, о которых еще не было сказано. У Пушкина эпиграф не только обнажал связь со «Званкой», но и был соотнесен с биографическим планом, свидетельствовал о первой встрече с Державиным: «Державин был очень стар. <...> Экзамен наш очень скоро его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли <...> Он дремал

до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности» [10, т. 12, с. 158]. «Дрема Державина» – один из блестящих мифов русской культуры XIX вв. Гений Пушкина как бы возникает из державинского сна, пробуждение Державина напрямую связано с рождением русской поэзии. Состояние дремы и состояние творческого вдохновения почти тождественны у Пушкина; в «Осени» утверждается особая – сновидческая – природа поэтического творчества: «И забываю мир – и в сладкой тишине // Я сладко усыплен моим воображеньем, // И просыпается поэзия во мне...» [10, т. 3, с. 321]).

Эта же сновидческая аура пронизывает и стихотворение Михаила Кукина. Отчасти подобный эффект обусловлен двойной референцией текста. Колебания смысла возникают вследствие того, что почти в каждой строфе угадывается ее одновременная принадлежность и к державинской «Званке» и к пушкинской «Осени». Державинские четверостишия сливаются в пушкинские октавы благодаря enjambement. «Сентябрьское» стихотворение Кукина расположено между летней «Званкой» и почти зимней «Осенью».

Как известно, в финале «Осени» развернута грандиозная метафора «творчество/море». Эта же «морская метафора», уравнивающая стихию поэзии и стихию моря, подхвачена Кукиным:

Работа подождет! Сажуся у стола,
рассеянно в тетрадь, линованную в клетку,
гляжу – но чу! Строка внезапная пришла,
ловлю ее, как рыбку в сетку.

Уже другая, третья, пятая плывут...
Я сочинять горазд! Час два, а то и третий
сижу, забыв про все, и все в себя берут
закинутые мною сети [8, с. 168].

В обоих текстах «пробуждение поэзии» соотносено с чудом: «внезапность» кукинской строки напрямую связана с неожиданным («вдруг») движением корабля-громады у Пушкина («Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге. // Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут...» [10, т. 3, с. 321]).

Венчающий «Осень», едва ли не самый знаменитый пушкинский вопрос, – «Куда ж нам плыть?» – незримо присутствует и в «Памяти одной компании». Именно этот подспудный вопрос разрушает идиллическую направленность кукинского стихотворения и размыкает его финал. Если ранее взгляд автора был сосредоточен на «близком», то в финале мир разомкнут («светло-синя даль»), все более очевидной становится тревога, исходящая от за-текстового пространства:

Где звезды и берег где?
Куда мы с тобой плывем
вместе с нашей страной? [8, с. 17].

В ситуации смысловой неопределенности, ставшей для русской истории онтологической, человеку остается только один выход – сотворение собственного мира. Не случайно, поэты «коньковской школы» актуализи-

руют жанр послания, в основании которого лежит признание приватной жизни. Принципиальная диалогичность текстов, написанных в жанре послания, размывает границы отдельных стихотворений, утверждая новое сверхтекстовое единство. Так окончательный смысл стихотворения «Памяти одной компании» вынесен за его пределы и может быть найден в ответном послании Константина Гадаева:

Мише Кукину

Две трети разбазарено уже.
Все реже веселят веселье наши.
Источник слез, пробившихся в душе,
наполнил до краев терпенья чашу.

Отчаяться, рвануться, расплескать
И криком изойти в застольном раже!...
Но явится строжайшая тоска
и пустотою по губам помажет.

Пока еще не поздно... Никогда,
покуда живы мы, не будет поздно...
Распахнуто окно. Горит звезда.
Огромный над коньковским лесом воздух [4, с. 126].

Список литературы

1. Автухович, Т. Е. Стихотворение Г. Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская» как метафизический автопортрет / Т. Е. Автухович // Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Я. Купалы. Сер. 3. – 2013. – № 2. – С. 6–14.
2. Алпатова, Т. А. Аксиология Г. Р. Державина (к анализу стихотворения «Евгению. Жизнь Званская») / Т. А. Алпатова // Аналитика культурологии. – 2011. – № 20. – С. 184–187.
3. Анпилов, А. Гроза в Коньково / А. Анпилов // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 82. – С. 406–414.
4. Гадаев, К. Опыт счастья / К. Гадаев. – М. : Изд-во Н. Филимонова, 2005.
5. Державин, Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин. – Л. : Сов. писатель, 1957.
6. Клейн, И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века / И. Клейн. – М. : Языки славянской культуры, 2005.
7. Костюков, Л. Попытка счастья [Электронный ресурс] / Л. Костюков. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2005-04-14/4_happiness.html. – Дата доступа: 24.06.2016.
8. Кукин, М. Состав земли / М. Кукин. – М. : Изд-во Н. Филимонова, 2015.
9. Медведева, Н. Г. «Благодарность»: этика, эстетика, поэтика: о стихотворении М. Кукина «Недолго, правда, но жил в грузинских горах...» / Н. Г. Медведева // Кормановские чтения. – Ижевск, 2016. – Вып. 15. – С. 348–357.
10. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. : в 16 т. / А. С. Пушкин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1959.
11. Ревзина, О. Язык и время в пушкинском поэтическом контексте / О. Ревзина // Пушкин и поэтический язык XX века. – М. : Наука, 1999. – С. 179–187.

In this article the problem of art time in Michael Kukin's poem of "Memory of one company" is solved. Reminiscences create difficult optics of the text. The concept of art

time is mediated by previous tradition (creativity of Goratsij, G. Derzhavin's ode «To Evgenie. Life Zvansky», A. Pushkin's poem «Autumn»). Poem «Memories of one company» is connected with poetics «Konkovo's school» also.

Keywords: reminiscence, an idyll, an epitaph, an ode, art time, «Konkovo's school».

УДК 821.133.1.09

А. А. Карпова (Москва, Россия)

**СВОЙСТВА ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ
Ж. ГРАКА «В ЗАМКЕ АРГОЛЬ»
В КОНТЕКСТЕ «МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА»**

Анализируются принципы построения художественного пространства в романе Жюльена Грака «В замке Арголь». Рассматриваются основные приемы создания «магической реальности», а также формы фантастической образности произведения. Основное внимание уделяется пространственно-временным искажениям, влиянию средневековой мифологии и сюрреализма.

Ключевые слова: магический реализм, Жюльен Грак, сюрреализм.

Термин «магический реализм» вошел в употребление во второй половине XX в. применительно к тем латиноамериканским романам, где магические элементы повествования вплетались в изображение реалистичной картины мира. Однако сам термин появился еще на заре 20-х гг. XX в. с легкой руки немецкого критика Франца Роо, который пользовался им в своих статьях для описания так называемой «новой вещественности». Это художественное течение было чрезвычайно популярно в Германии в начале века и своей «непосредственной действительностью» в изображении «реальных вещей такими, какие они есть, без всяких идеализирующих или романтических фильтров» противостояло позднему романтизму и экспрессионизму, когда для отражения внутренней «истинной» сущности объекта, его реальный облик изменялся до неузнаваемости [3, с. 390].

В 1931 г. французский эссеист и литературный критик Эдмон Жалу предложил использование термина «магический реализм» применительно к литературе. После Второй мировой войны течение получает широкую известность благодаря возросшей популярности латиноамериканской литературы (Г. Гарсия Маркес, А. Карпентьер, Х. Л. Борхес). В частности, кубинский писатель Алехо Карпентьер использовал термин «lo real maravilloso» («чудесная реальность») в предисловии к своей повести «Царство земное» (1949). Идея Карпентьера заключалась в описании своего рода обостренной реальности, в которой могут появляться выглядящие странно элементы чудесного. Таким образом, крупнейшие латиноамериканские писатели XX в. сплотились «в своем стремлении обновить традиционные формы, каноны и системы образных средств прозы в контексте всей мировой литературы» [17, с. 7].

СОДЕРЖАНИЕ

ОСТАНОВИВШЕЕСЯ ИЛИ ОСТАНОВЛЕННОЕ ВРЕМЯ	3
<i>Акимова Т. И.</i> Повседневность – история – вечность в мемуарах Екатерины II.....	3
<i>Богдевич Е. Ч.</i> От библиотеки к архиву («кладбищу»): взаимопроникновение времени и пространства в произведениях рубежа XX–XXI веков.....	11
<i>Гинак Е. С.</i> Проблемы историографии XX века в романах У. Эко.....	18
<i>Гриневич О. А.</i> Усадебный хронотоп в автобиографической и мемуарной прозе.....	28
<i>Житко Р. Г.</i> Диалектика пустоты и времени в цикле эссе Х. Л. Борхеса «История вечности».....	37
<i>Загребельная Н. К.</i> Фотография и время в литературных рефлексиях.....	42
<i>Зверева Т. В.</i> «И не движется время»: Г. Державин – А. Пушкин – М. Кукин.....	50
<i>Карпова А. А.</i> Свойства времени и пространства в романе Ж. Грака «В замке Арголь» в контексте «магического реализма».....	58
<i>Коган И. И.</i> «Восстановленное время»: современная детская поэзия в поисках адресата и смысла.....	65
<i>Козак Э.</i> Czas, który się zatrzymał: o współczesnej Rosji w wybranych opowiadaniach Dmitrija Głuchowskiego.....	71
<i>Локтевич Е. В.</i> Генезис и особенности функционирования феномена идейно-субъектной пограничности в белорусской лирике начала XX в. (на материале поэзии М. Богдановича).....	78
<i>Никольский Е. В.</i> Проблема героя времени в русской литературе XIX–XXI веков: измельчание образа.....	88
ВРЕМЯ ИЗМЕНЁННОГО СОЗНАНИЯ	97
<i>Барсежан М. В.</i> Специфика времени в романе Дино Буццати «Татарская пустыня».....	97
<i>Борковска А.</i> Czasoprzestrzeń w powieści Zachara Prilepina «Patologie».....	103
<i>Гулевич Е. В.</i> Категория времени в рассказе А. Бирса «Без вести пропавший».....	112
<i>Иоскевич О. А.</i> Интерпретация темы безумия в повести А. П. Чехова «Чёрный монах».....	118
<i>Кирилюк С. Д.</i> «Zeitgeist» як моделюючий критерій в українській прозі <i>fin de siècle</i>	127
<i>Круликевич Н.</i> К вопросу об особенностях изменённого состояния сознания в произведении А. П. Чехова «Чёрный монах».....	135

<i>Марданов А. А.</i> Мотив боязни времени в романах М. Эмиса.....	142
<i>Панькова О. Е.</i> «Poriół i wiatr» A. Jurewicza: fizyka i filozofia czasu.....	149
<i>Питкевич П. А.</i> «Сценарность» современного художественного текста как признак литературной кинематографичности (на примере романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза»).....	154
<i>Поваляева Н. С.</i> Персонаж, переживший автора: новая жизнь кролика Питера в рассказах Эммы Томпсон.....	160
<i>Бобровская Е. О.</i> Игры со временем в фантастических романах Олега Роя.....	169
ВРЕМЯ И ЖАНР/НАРРАТИВ	176
<i>Авраменко И. А.</i> Представление прошлого в английском перволичном романе XX века: рассказ, документ, воспоминание.....	176
<i>Агапонова О. С.</i> «Імя» Вікі Трэнас: наратыўна-камунікатыўная анталогія метафізічнага твора.....	184
<i>Кузнецова Д. М.</i> Мемуарный нарратив русского зарубежья: мифотворчество и истина.....	190
<i>Лукьянова О. А.</i> Слияние художественного пространства и реальности в произведениях Э. Хемингуэя «Райский сад» и «Праздник, который всегда с тобой».....	194
<i>Мозго А. И.</i> Репрезентация пространства и времени Эдема и Пустыни в поэмах Дж. Мильтона «Потерянный рай» и «Возвращённый рай».....	199
<i>Настусевич С. В.</i> О возможностях применения исторической хронологии в биографике (на примере биографии Тётки).....	204
<i>Никифорова О. Б.</i> Адзнакі часу ў полі зроку Янкі Брыля (паводле падборкі лірычных запісаў «Вячэрняе»).....	212
<i>Распопов А. Г.</i> Особенности временной организации в романе Е. Водолазкина «Авиатор».....	220
<i>Сабуть А. Э.</i> Катэгорыя часу ў эсэ-партрэтах Максіма Багдановіча: дыялогі пра будучыню.....	229
<i>Симонова Т. Г.</i> Мемуарное время в отражении и рефлексии писателя.....	233
<i>Черкес Т. В.</i> Особенности художественного времени в балладах «Погоня» Ф. Н. Глинки и «Погоня» В. С. Высоцкого.....	241
<i>Шпилевая Г. А.</i> Оценка одного исторического события различными писателями (Н. Н. Асеевым, В. С. Высоцким): «угол зрения» или идеология?.....	252
ВРЕМЯ В РАЗНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ И СИТУАЦИЯХ	260
<i>Гура Н. П.</i> Герой на отшибе в драматургии Николая Коляды.....	260
<i>Зыверт А.</i> Mały domek na wsi. Roman Sienczin «Rodzina Jołyszewów».....	266

Иоскевич М. М. Функции дачи как локуса повседневности советского человека (на материале романа И. Шамякина «Атланты и кариатиды»).....	274
Капшай Н. П. Диалог о времени и со временем в повести А. Гайдара «Тимур и его команда».....	278
Лепишева Е. М. Стратегии интерпретации войны в белорусской драматургии конца XX – начала XXI вв.	284
Липинская А. А. Время, вечность, история: некоторые замечания о хронотопе готической новеллы.....	292
Лукинова А. Р. Категория времени в повести К. Г. Паустовского «Мещерская сторона».....	299
Мурашов А. А. Лирическое время Беллы Ахмадулиной.....	305
Погода-Колодзьяк А. Czas w miejscach pamięci.....	310
Семухина И. А. Бытовое и бытийное время в альманахе «Физиология Петербурга»: вечная осень существования.....	317
Серета И. А. Герой «переходной эпохи» в прозе В. Маканина и Е. Поповой рубежа XX–XXI вв.	323
Горская С. А. Модель вечности-времени в поэме святителя Николая Сербского «Молитвы у озера».....	330
Сивова Т. В. Авторская визуализация времени суток в романе К. Г. Паустовского «Блистающие облака»	336
Тарасова С. М. Экзистенційныя матывы ў апавесці «Пайсці і не вярнуцца» Васіля Быкава	347
Рева Л. Г. Літературний портрет Тараса Григоровича Шевченка – предтечі української свободи.....	354